

Н. Гернет
Г. Ягдфельд

ГЛУПАЯ ШЕРШИЛИНА,
или ПРОПАЛ ДРАКОН

художники

Ирина Якимова, Игорь Зуев

1. Вместо Кошкина

В это тихое солнечное утро председатель отряда шестого класса 27-й школы Миша Коробкин даже представить себе не мог, что с ним случится в самом ближайшем времени; он сидел на бульваре, начищенный и наглаженный, в самой парадной пионерской форме, и что-то усердно зубрил, поглядывая то в блокнот, то на небо. Потом он отложил блокнот, встал, вежливо поклонился соседнему дереву и произнёс:

— Здравствуйте, уважаемый Алексей Иванович! Мы, делегаты Коробкин и Кошкин...

Он посмотрел на свои ручные часы и проворчал:

— Кошкин опаздывает! ...Явились пригласить вас от имени и по поручению нашего отряда на сбор по вашему творчеству.

Дальше должен был говорить Кошкин, но Кошкина не было, а уже пора было идти. Миша возмутился: «Да где же этот Кошкин?»

Он поглядел туда и сюда. На бульваре — никого. Вдруг в самом конце аллеи показалась какая-то фигурка. Она мчалась прямо к Мише, размахивая букетом. Он узнал её: это Лида Шершилина, довольно глупая девчонка из его класса. Она была в парадной форме, а на голове её прыгал бант, похожий на бабочку-капустницу.

— Коробкин, ты не волнуйся! — кричала она, подбегая. — Я вместо Кошкина!

— А Кошкин где?

— Кошкину никак. У него половина зелёная.

— Какая ещё половина! — закричал Миша.

— Левая, — сказала Лида Шершилина. — Представляешь, какой ужас? Мы преспокойно раскрашиваем «ПРИВЕТ ЛЮБИМОМУ ПИСАТЕЛЮ», совершенно ничего не думаем, и вдруг — здрасте!

Кто-то ревёт страшным рёвом, и вваливается этот кошмарный Кошкин — зелёный-презелёный!

Миша мало что понял, но сразу почувствовал, что ничего хорошего для него из этой истории не выйдет.

— Понимаешь, он к тебе мчался и налетел на ведро с краской, — тараторила Лида. — Он — в школу. Что делать? Галина Ивановна ужаснулась — куда его? В делегацию такого зелёного — как же? Так его, бедного, жалко!

Лида вздохнула и умолкла. Будто радио выключила.

Миша молчал. Такую новость надо было обдумать.

Подумав, Миша решил, что ничего плохого, в общем, не произошло. Может, даже наоборот. Он сказал:

— Чего жалко, сам виноват. Разиня. Что ж, ладно, Коробкин и один справится.

— Почему это один? — удивилась Лида. — Теперь же я вместо Кошкина! Галина Ивановна сказала...

— А зачем ты мне нужна? — сказал Миша. — Что-то ты много о себе воображаешь! Иди-ка ты домой.

— Ещё чего, домой! — возмутилась Лида. — Сам иди! Я такая же делегатка, как и ты! Хитрый очень. Думаешь, мне не хочется к знаменитому писателю?

— Хочется! — Миша презрительно фыркнул. — Меня всегда выбирают, потому что я умею разговаривать как надо. Один разговор — для приветствования, другой — для поздравления. А ты какие можешь слова сказать?

— А я и не буду слова говорить! — не сдавалась Лида. — Говори себе, а я буду... вот... цветы подносить!

Да, насчёт цветов Шершилина была права. Цветы подносить тоже полагалось. Миша пожал плечами и нехотя сказал:

— Ну ладно. Идём уж... делегатка!

Но сначала придирчиво осмотрел Лиду с ног до головы. Велел поправить бант и даже показать носовой платок — чистый ли.

— Ну пошли! — наконец сказал Миша и тут же остановился. — А куда? Адрес-то у Кошкина!

— А вот и не у Кошкина! — гордо сказала Лида. — Как

Галина Ивановна меня выбрала, я сразу у Кошкина спросила и записала: дом двенадцать, квартира сорок.

— А улица?

— Улица... это... улица... Забыла!..

— Так я и знал, — сказал Миша. — Ох и морока с тобой! Минеральная улица! Пошли!

И они пошли приглашать писателя Мамонтова в школу на обсуждение его творчества.

Солнце сегодня светило очень ярко, и воробьи чирикали очень громко, и небо было очень синее.

Миша на ходу учил приветственную речь, а Лида переплетала косичку. Её мучили сомнения.

— Миш! А что, если его уже пригласила другая школа?

Миша отмахнулся и продолжал бубнить речь.

— Миш! А что, если он скажет: уходите? А вдруг он опять улетел в Австралию?

Миша остановился.

— Слушай, Шершилина, — строго сказал он. — Если уж ты неизвестно почему попала в делегацию — не задавай дурацких вопросов!

Лида виновато замолчала. Раз нельзя разговаривать, она стала смотреть по сторонам.

Когда они проходили мимо витрины шляпного магазина, она отстала от Миши, пытаясь разглядеть себя в зеркале между шляпами. Миша оглянулся и увидел Шершилину на корточках перед витриной.

— Ну, Шершилина, — возмутился он. — Кажется, из-за тебя ещё будет масса неприятностей!

Лида виновато молчала. Навстречу по мостовой ехала цистерна с квасом. За ней двигалась очередь людей с бидонами и графинами. Вдруг Лида ахнула: последним в очереди ковылял на самокате мальчишка — брат Лиды!

— Женька! — крикнула она. — Видели? Мама же заперла его в квартире!

Плутоватый Женька сделал вид, что его очень интересуется ворона на ветке.

— Как ты смел вылезти? — кричала Лида. — Сейчас же иди домой!

— А что, нельзя квасу попить? — простодушно сказал Женька и, погремев медяками, скрылся за углом вместе с очередью.

Лида рванулась было за ним, но Миша схватил её за платье. Лида кипятилась:

— Ты подумай! Спустился по трубе специально, чтобы за мной следить. Как я куда — так он тут же сзади хвостом... Пусти-ка, я его сейчас!..

Миша хотел было как следует дёрнуть её за косу, но вспомнил, что он делегат, и только строго спросил:

— Что тебе важнее: ловить мальчишек или выполнять пионерское поручение?

— Выполнять, — сказала Лида.

И они пошли дальше.

У дома двенадцать Лида остановилась.

— Здесь вроде бы. Минеральная, двенадцать, квартира сорок. Третий этаж. Алексей Иванович Мамонтов. Вон, наверно, его балкон. — И Лида с восхищением поглядела на балкон, полный цветов.

2. Он не из Австралии

Но в квартире сорок не было писателя Мамонтова. Здесь уже тридцать пять лет жили Сергей Васильевич и Таисия Петровна.

В это утро Сергей Васильевич, наморщив лоб, сокрушённо смотрел на шахматную доску. В руке он держал белого коня и никак не мог решить, куда этого коня поставить. Положение было трудное. Вчера в Саду отдыха он начал партию с очень

серьёзным противником — поваром столовой номер шестнадцать. Когда повар «съел» у Сергея Васильевича вторую пешку, пошёл дождик, и партию перенесли на сегодня.

— Тася! — позвал Сергей Васильевич.

Но Тася, то есть Таисия Петровна, не отозвалась. Она поливала на балконе цветы и разговаривала с ними:

— Ну, куда ж ты полезла? Я ведь тебе верёвочку протянула. А ты откуда вылезло, такое рогатое? Тебя же вчера не было! Ну, живи, живи, я ничего, не возражаю.

— Тася! — зывал Сергей Васильевич. — Мне же сегодня партию доигрывать! И с таким противником!..

— Иду, — сказала Таисия Петровна и вошла с лейкой в комнату.

— Взгляни-ка! Что он может сделать, если я пойду так? И Сергей Васильевич поставил коня на b5.

— Тогда он возьмёт его пешкой, — хладнокровно сказала Таисия Петровна. Сергей Васильевич печально смотрел на позицию. И вдруг он увидел прекрасный ход.

— Тася! — вскричал он. — Я иду сюда турой! И что ему остаётся делать?

Таисия Петровна бросила только один взгляд на доску:

— Ему остаётся пойти королевой и объявить тебе мат в два хода.

И, переложив лейку из правой руки в левую, она дала мат своему мужу. Тот долго молчал, горестно глядя на чёрного ферзя, и потом растерянно спросил:

— Куда же я пойду?

— За молоком, — сказала Таисия Петровна.

Когда Сергей Васильевич одевался в передней, Таисия Петровна поставила перед ним пару галош.

— Тасенька! — взмолился Сергей Васильевич. — Ни одна душа больше не носит галош!

— Когда у души бронхит, она носит, — неумолимо сказала Таисия Петровна.

Сергей Васильевич со вздохом надел галоши, а она сунула ему в руки большой бидон.

— Помни, это наш последний бидон. Постарайся не забыть его на прилавке.

— Ну, Тася!.. — сказал Сергей Васильевич и что-то проворчал о человеческой несправедливости.

Делегаты нерешительно топтались на площадке лестницы перед квартирой сорок.

— Ну, звонить? — спросила Лида.

— Постой, — сказал Миша.

Он причесался маленькой гребёнкой и расправил галстук.

— Не звони пока. А вдруг он спросит, какие его книжки мы читали?

Миша нахмурился и стал вспоминать:

— «Погоня за гориллой»... «Погоня за гориллой»... «Мои друзья пигмеи»...

— А что, если он тебе скажет: расскажите содержание?

— Не скажет, — сказал Миша. — Он сам знает. Главное, Шершилина, ты молчи, не встречай, говорить буду я.

— Я не буду, — покорно сказала Лида. — Я боюсь.

Миша протянул руку к звонку, но тут дверь открылась сама. На пороге стоял старичок с бидоном. Это и есть тот

